

ни шьют... И кроме тех радостей и веселья, песен, танцеванья и всяких игр, плясання никакия печали не бывает... А кого перевезут Дунай, тот домой не думай... А там кто побывает, тот таких роскошей век свой не забывает».⁴⁷

То же и в других произведениях демократической сатиры (имею в виду прозаические, а не стихотворные, вроде «Повести изрядной о куре и лисице»). Впрочем, Л. И. Тимофеев пользуется в первую очередь материалом, не связанным непосредственно с фольклором, а последнее характерно как для прозаических, так и поэтических сатир. Но ведь в «Очерках» даны образцы рифмованной речи и из некоторых произведений второй половины XVII—конца XVIII в.⁴⁸

Получается, таким образом, парадоксальная ситуация: проза «бродит» стихом не только накануне и в период зарождения силлабического виршеписания, но и тогда, когда оно уже уступило место силлабо-тонике. Отсюда следует, что процессы развития ритмической и рифмованной прозы и силлабической поэзии от неравносложных стихов к равносложным были параллельными и не связанными генетически. Разумеется, расцвет рифмованной прозы в период Смуты, совпавший по времени с формированием русской силлабики, хотя и в первоначальных видах, в какой-то степени «подкрепил» ее. Люди, читавшие вирши Хворостинина и Шаховского и прозаические произведения с частыми рифмами или рифмоидами, несомненно, обращали внимание на это обстоятельство. Однако далеко идущих выводов по этому поводу делать нет оснований.

Мне кажется, правы В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев, разделяющие эти два течения: «Стихотворные жанры в русской литературе формируются во второй половине XVII века, однако и в произведениях первых десятилетий века заметно, с одной стороны, стремление в особо напряженных, эмоциональных частях повествования на исторические темы строить ритмические ряды синтаксически однородных фраз; с другой стороны, делаются первые попытки все содержание излагать неравносложными рифмованными строками, еще далекими от силлабических стихов, но идущими в направлении к ним».⁴⁹

Сам факт появления ритмической и рифмованной прозы не должен нас смущать: подобные образования известны в литературе различных европейских народов, причем, это следует подчеркнуть, ритмическая и рифмованная проза появляется вслед за «поэтическими» этапами в развитии литературы, в частности после безраздельного господства феодальной эпической поэзии.

Рифмованные повести о «Смуте» не знаменовали собой внезапное пробуждение поэтического чувства, оно было присуще русскому народу всегда: в XI в. примерно в той же степени, что и в конце XVI, в той же степени, что и другим европейским народам. Своеобразие русского культурного процесса состояло в том, что эти потребности в течение долгого времени удовлетворялись за счет народного творчества, которое, по-видимому, наряду с синкретическими жанрами использовало и декламационный стих, в XVII в. получивший реализацию, например, в «Горе Злоча-

⁴⁷ Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»), стр. 39—42.

⁴⁸ Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха, стр. 218—219, 232 и сл.

⁴⁹ В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев. Русская демократическая поэзия XVII века. — В кн.: Демократическая поэзия XVII века. Библиотека поэта. Большая серия. М.—Л., 1962, стр. 8.